

КОМПЛЕКС РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ГОРОДИЩА ЛИХАЧЕВСКОЕ В ПРИИШИМЬЕ

С.И. Цембалюк, С.В. Берлина

Публикуются материалы раскопок, проведенных Уральской археологической экспедицией в 1964 и 1966 гг. на Лихачевском городище, единственном полностью изученном памятнике начала раннего железного века в Приишимье. На поселении полностью исследованы фортификации и жилые сооружения, получен представительный керамический материал.

Начало раннего железного века Западной Сибири, Нижнее Приишимье, баитовская культура, реконструкция, городище, фортификации, жилища.

В результате изучения комплексов начала раннего железного века Тоболо-Ишимского междуречья в конце 1960-х гг. В.Е. Стоянов включил Приишимье в ареал баитовских памятников [1969]. Вслед за ним исследователи традиционно продолжали рассматривать эту территорию в составе ареала баитовских древностей [Матвеева, 1989; Могильников, 1992; Хабдулина, 1993; и др.]. Действительно, в Приишимье на Лихачевском городище [Генинг, 1964, 1966], поселениях Карлуга 1 и Борки 1 [Хабдулина, 1994] были получены материалы, атрибутированные как баитовские и долгое время считавшиеся таковыми. На наш взгляд, сегодня проблема идентификации баитовских комплексов на территории Приишимья представляется более сложной. Н.П. Матвеева, анализируя керамические коллекции баитовских памятников Притоболья и Приишимья, отмечала некоторое своеобразие последних, а именно преобладание на сосудах ямочных узоров, что, по ее мнению, связано с влиянием на этой территории традиций сузгунской культуры [1994, с. 8–9]. Сложность анализа заключается не только в меньшей изученности памятников раскопками, но и в том, что в основном материалы не опубликованы. Частично восполнить этот пробел призвана данная работа.

В 1964 и 1966 гг. отрядом УАЭ под руководством В.Ф. Генинга проводились раскопки городища начала раннего железного века Лихачевское [Генинг, 1964, 1966]. К сожалению, материалы практически не изданы, хотя имеют большую научную значимость: на сегодняшний день это единственное полностью раскопанное поселение этого времени. Известны тезисы доклада Г.Б. Здановича [1967], городище упоминается в работах В.А. Могильникова [1992, с. 276, 279], Н.П. Матвеевой [1989, с. 79, 99], фортификации опубликованы В.А. Борзуновым [2002, с. 86], керамический комплекс обработан и использован в диссертационной работе С.В. Шараповой [2000].

Городище открыто в 1964 г. разведочной группой УАЭ при обследовании правого берега р. Ишима. Расположено в урочище Ерзовка, в 0,5 км к западу от д. Лихачева Абатского района Тюменской области, на гриве, вытянутой вдоль восточного берега старичного оз. Медвежье (старица Ишима) (рис. 1, 1). Восточный склон гривы очень крутой, у поселения даже с осыпью, в остальных местах задернованный. Западная сторона спускается в ложок глубиной до 3–4 м, являющийся, видимо, остатком древней протоки или русла Ишима, протекающего в настоящее время в 1 км к северу [Генинг, 1964].

На дневной поверхности прослеживались следы площадки, ограниченные канавкой диаметром около 45 м. В западной части поселения канавка и часть жилищ осыпались. Площадь городища составляла около 1200 м² (рис. 1, 2). При раскопках были зафиксированы слой и находки неолитического поселения (в данной работе не публикуются).

Общая стратиграфия памятника несложная. Дерновый и поддерновый песчано-землистый культурный слой перекрывает всю площадь поселения. Толщина этих двух слоев колеблется от 0,2 до 0,4 м. В этом слое изредка встречались фрагменты керамики эпохи железа.

Под песчано-землистым слоем в местах, не занятых какими-либо сооружениями, прослеживалась древняя погребенная почва несколько более светлого цвета, чем вышележащие слои. Толщина погребенной почвы не превышает 10–15 см. На участках расположения жилищ она насыщена углистыми включениями, органическими остатками и по цвету темнее окружающих слоев. Под погребенной почвой залегал светлый песчаный суглинок. В нижних частях по-

селения под очень слабой прослойкой погребенной почвы фиксировался светло-серый, перемешанный суглинок — культурный слой эпохи неолита [Генинг, 1964, 1966].

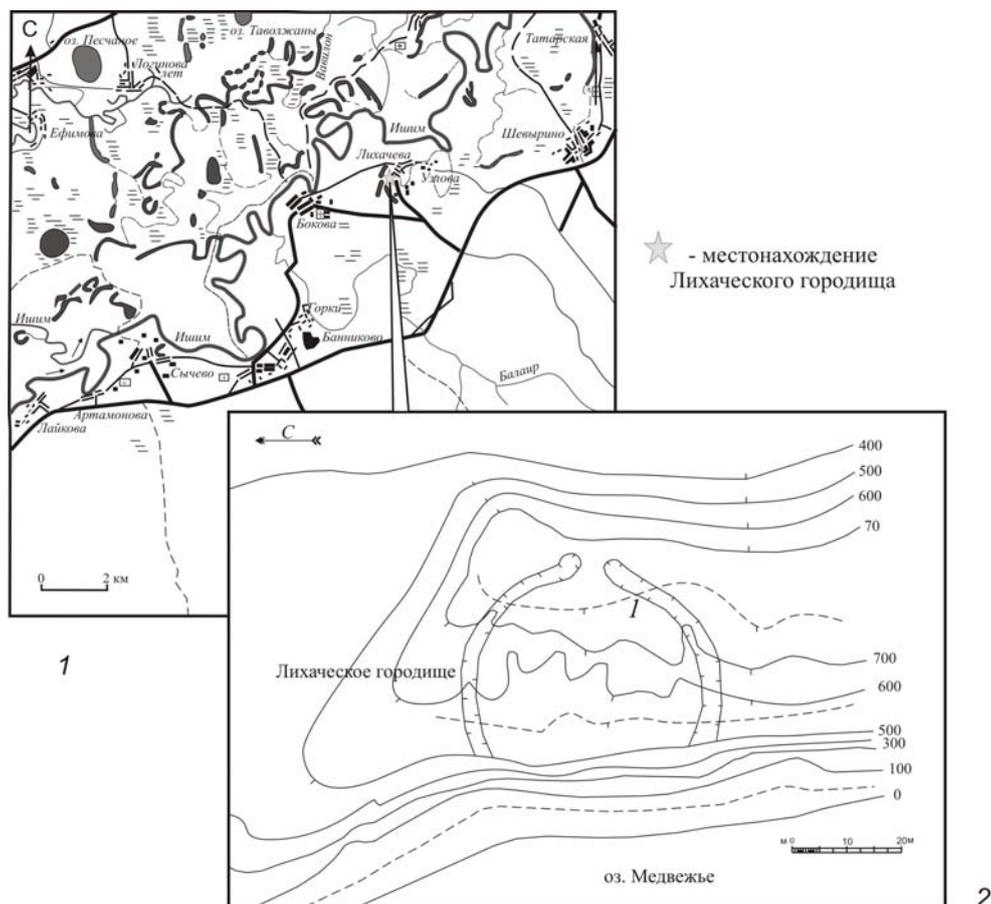

Рис. 1. Расположение (1) и план (2) Лихачевского городища (план по: [Генинг, 1964, 1966])

Фортификации

Поселение раннего железного века окружала кольцевая канавка. На современной поверхности она сохранилась как очень слабое углубление шириной до 1,0-1,5 м и только благодаря более темной растительности, покрывающей ее, была хорошо видна почти по всей окружности. С восточной стороны на наиболее высокой части площадки канавка прерывается с небольшим изгибом концов к наружной стороне, образуя проход (рис. 1, 2).

Кольцевая канавка имеет форму совершенно правильной окружности с внутренним диаметром в 43 м. Центр окружности находится в середине границы участков Г–Д/6. Исследователи отмечали, что проведение такой большой и правильной окружности на местности невозможно без знания принципа работы циркуля.

Канавка имела довольно стабильные размеры на всем протяжении — ширину в верхней части 1,0–1,2 м при глубине от 0,5 до 0,8 м. Боковые стенки и дно образуют овальное углубление, дно ровное. Канавка была заполнена темным гумусированным слоем почти без находок, врезалась на 20–30 см в подстилающий светлый песчаный суглинок, но ни с внутренней, ни с наружной стороны ее не обнаружен выкид — за исключением участка Ж–З/02 и И/1. На этом участке вдоль внутреннего края канавки уже на поверхности было заметно валообразное возвышение и при раскопках обнаружена глиняная насыпь шириной около 2 м при толщине до 25–30 см. Глина сильно расплылась, и развал ее находится как в кольцевой канавке, окружающей площадку городища, так и в канавке вокруг жилища 7. Под глиной залегал слой погребенной почвы без культурных остатков. Это единственный участок на городище, где сохранилась земляная насыпь вдоль внутренней стороны кольцевой канавки, окружавшей поселение.

Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье

Кольцевая канавка ограничивала все поселение и является, видимо, остатками некогда существовавших укреплений. Мы согласны с авторами раскопок, предположивших, что, по всей вероятности, в канаву были поставлены вертикально бревна, образуя стену типа частокола (рис. 2, 2). Никаких дополнительных земляных укреплений (вал, ров) поселение не имело. Канавка слишком мала, чтобы видеть в ней остатки рва. Частокол был, вероятно, не очень высоким. При глубине ямы в 0,8 м едва ли удерживались бревна более 2–3 м, впрочем, этой высоты вполне хватало для того, чтобы укрыться от обстрела.

Раскопками изучены два въезда на городище. Один, восточный, по мнению авторов раскопок, был укреплен сторожевыми башнями, второй — южный представлял собой ворота — калитку.

Восточный вход представлен разрывом кольцевой канавки, окружавшей поселение, на концах зафиксированы ступенчатые ямы-углубления. У дна, начиная от второй углубленной части, повсюду залегал почти сплошной слой углей и под ним сильно прокаленные прослойки глины, затем сильно перемешанная земля с глиной и вверху поздний заплыв культурного слоя. В юго-западной стороне по краю ямы на поверхности погребенной почвы сохранился нижний венец обугленных бревен толщиной 25–30 см. Бревна образовывали прямой угол.

Северная башня. По мнению исследователей, бревна представляли собой остатки наземного сооружения типа прямоугольной башни, в то время как зафиксированная яма — ее углубленную внутреннюю часть. Авторы раскопок определяли общие размеры башни, включая уже расширенную и углубленную часть канавки, в пределах 6,6×4 м. Полагаем, что ее размеры были меньше (около 4×4 м): определенной ранее длине башни противоречит расположение задней части жилища 4, остатки которого зафиксированы близко к стене, так что конструкция башни не поместилась бы. Бревна частокола могли вплотную подходить к башне, а расширение канавки на участке у въезда может объясняться усилением частокола (например, установка бревен в два ряда) или же, вероятнее, следами ремонта и подновления. Непонятно, для чего древние строители выкопали яму под башней, ее можно было установить и на дневную поверхность либо на специально подготовленную глиняную вымостку для предотвращения частого намокания и гниения. Кроме того, по обе стороны от остатков деревянной конструкции зафиксированы столбовые ямки, и если ямки за пределами башни можно интерпретировать как остатки конструкции ворот, то внутри они располагались у края сруба, края ямы и в самой яме, назначение их неизвестно. Полагаем, что первоначально на этом участке были установлены обычные ворота в частоколе, а позднее построены предвратные укрепления.

Если сама башня была сложена из бревен, то сверху она имела, скорее всего, бревенчатое перекрытие. Возможно, изнутри она была засыпана землей и глиной, о чем свидетельствуют прослойки угля на дне ямы, перекрытые прокаленными слоями грунта. С другой стороны, если сверху деревянных конструкций была значительная прослойка грунта, то деревянные остатки под ними не сгорели бы из-за отсутствия кислорода. Полагаем, что углистая прослойка образовалась вследствие разрушения (сгорания?) ранних ворот, на месте которых позднее были построены предвратные укрепления. Надо полагать, что башня имела и значительную высоту.

Южная башня. На участках Л–М/7–8 также зафиксировано овальное углубление нечетких очертаний, сходное с ямой под северной башней. Общие размеры ямы 3,2×2,3 при глубине до 120 см от древней поверхности. Дно углубления также неровное, со ступеньками, но сохранность их хуже, чем в яме северной башни. В северной стороне яма овально расширяется и здесь достигает глубины 160 см от древней поверхности. Судя по расположению и большей глубине, эта часть представляла собой когда-то самостоятельную яму, вероятно, для крупного столба диаметром около 50 см. Этот столб мог служить для крепления ворот, закрывавших вход между сторожевыми башнями.

К юго-западу от ямы большого размера к канавке примыкает еще одна яма, подчетыреугольной формы, размером 2,8×2,8 м, со скругленными углами, глубиной около 70 см от древней поверхности, с плоским дном. Канава с противоположной от ямы стороны также немного расширяется. Общую конструкцию и размеры южной башни реконструировать значительно труднее, поскольку сохранность углубленных частей хуже и нет остатков наземного сооружения.

Исследователи памятника предполагали, что южная сторожевая башня была меньше, чем северная, размером 3×4 м, и внутри ее также находилась яма, а вторая, примыкающая к канавке, представляет собой остатки небольшого, размером 3×3 м, пристроя к внутренней стене частокола. Дно канавки у второй ямы глубже, чем дно пола, и это позволяет предполагать, что и здесь стоял частокол.

Въезд-ворота имел ширину около 2,5 м и, как уже указывалось, в южной стороне был ограничен крупным столбом, а в северной — стенкой башни. Здесь рядом с предполагаемой стеной на уровне подстилающего грунта были обнаружены часть черепа и длинная кость животного. Другая часть черепа и две длинные кости по бокам от него залежали у самого края северной ямы, по-видимому, под стеной. По мнению исследователей, эти кости представляют собой остатки особого ритуала, связанного с входом (строительная жертва?).

Южный вход расположен в южной части поселения (рис. 2). В этом месте имеется повышение канавки и небольшой изгиб линии оси: канавки расположены не напротив друг друга, а расходятся на 2 м. Ширина входа составляла около 2,5 м. С внутренней стороны канавки обнаружены остатки столбовых ям, вероятно, это следы конструкции калитки — ворот.

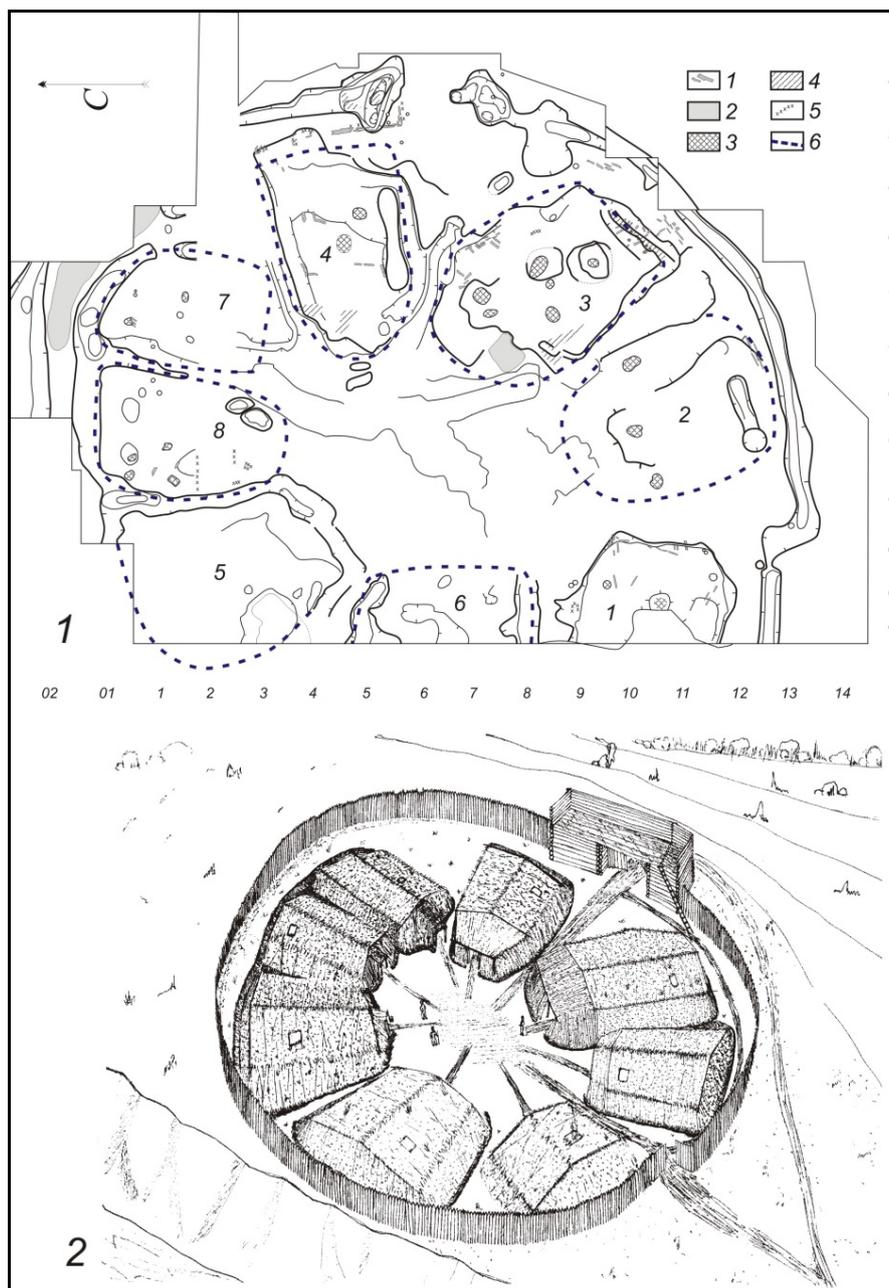

Рис. 2. План сооружений (1) и графическая реконструкция внешнего вида (2) Лихачевского городища: Условные обозначения: 1 — фрагменты дерева; 2 — глина; 3 — провал, очаг; 4 — прокаленная почва; 5 — угли; 6 — предполагаемые контуры жилищ

Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье

Таким образом, городище представляло собой предварительно спроектированный поселок округлой формы, с двумя входами, с расположенными по кругу восемью жилищами. В центре имелась свободная площадка, вероятно, для собраний, какой-то хозяйственной деятельности, загона скота (рис. 2, 2).

Жилища

При раскопках жилой площадки поселения изучены наземные жилища, не углубленные в материк. Основания стен были установлены в специально выкопанные канавы. В центре поселения находилась довольно ровная, свободная от застройки площадка, ограниченная с востока и юга небольшими уступами (рис. 2, 1). Всего на городище было изучено восемь жилищ: семь наземных и одно углубленное (рис. 2, 1) [Генинг, 1964, 1966].

Поселение прекратило существование в результате пожара, благодаря чему сохранились остатки сооружений в виде скоплений углей, полос прокаленной почвы, анализ которых позволяет реконструировать жилища.

Жилище 1 расположено в юго-западной части поселения (рис. 2, 1). Это полуземлянка, котлован которой выкопан в углублении, оставшемся от раннего неолитического сооружения. Постройка подквадратных очертаний, размерами около 8,5×8,5 (?) м (западный край осыпался, размеры точно не установлены). Котлован полуземлянки углублен на 0,65 м от уровня древней поверхности. Вдоль восточной и южной сторон стенок котлована сохранились небольшие куски обугленных жердей диаметром до 8–10 см. Судя по плану, фрагменты жердей лежали вдоль стенок и перпендикулярно им, в северо-восточном углу остатки жердей располагались под углом. Жилище погребло, видимо, от пожара, и после того, как обвалилась кровля, отдельные конструкции ее еще долго тлели под землей [Генинг, 1964].

В центре котлована находился очаг, устроенный на небольшой возвышенной округлой площадке диаметром 130 см. Площадка очага была насыщена золой, мелкими кусками спекшейся обгорелой глины с углем. В постройке найдены фрагменты керамики и целые сосуды, каменная плита — зернотерка (?).

Расположение находок и небольшое возвышение западнее очага позволяют предположить следующую планировку пространства. Вероятно, вдоль западной и восточной стенок жилища были спальные места, а у южной стенки, напротив входа, — хозяйственная часть.

Остальные жилища, изученные на территории городища, были наземными, выделялись пятнами более темной супеси с угольками. Основание жилой площадки и ее элементы (ямки, очаги, канавки) врезались в подстилающий слой (отмечаются на стратиграфии) и поэтому не всегда фиксировались на материке. Стены были установлены в канавы-углубления по сторонам построек, но, так как последние не всегда доходили до материка, их очертания зафиксированы не везде.

Жилище 2 располагалось в южной части поселка, восточнее жилища 1, между ними оставалось свободное место: коридор шириной около 3 м — участок прохода на городище через южные ворота (рис. 2, 1). Четко отмечалась юго-восточная граница постройки — по зафиксированному в материке уступу и остаткам сгоревших жердей (длиной до 1 м, диаметром 6–8 см). Жилище, по всей видимости, имело трапециевидную форму, размеры около 11,5×6–7 м. Выход размещался в середине северной стенки и вел в центр поселка. Очаг располагался на небольшом возвышении, имел овальную форму, размеры 90×60 см. Рядом были найдены остатки сосуда. Еще один провал, округлой формы (диаметром 0,8 м), зафиксирован в западной части жилища.

Жилище 3 располагалось в юго-восточной части поселка (рис. 2, 1). Так как поселение находилось на наклонной поверхности, то перед строительством жилища площадка, вероятно, была выровнена — при этом восточный угол жилища был углублен в материк, а вдоль северной, западной и южной сторон устроены углубления-канавы для основания стен. В целом жилище имело подквадратные очертания, размеры около 9,5×8,5 м.

В юго-восточной стороне жилища сохранилось большое количество обугленных жердей и бересты, как у его края, так и за пределами, залежавших в основном вдоль стены. Авторы раскопок эти остатки конструкций связали со сгоревшей кровлей. Граница жилища четко обозначена ровной полосой сильного красного прокала, на внутренней стороне которого на расстоянии 15–30 см друг от друга находились обугленные торцы шести вбитых кольев. Колья, как и жерди, имели сравнительно небольшой диаметр — 6–9 см. В западном и северном углах жилища также фиксировались полосы прокала с остатками обугленных жердей, лежавших вдоль стен.

Таким образом, канавообразные углубления, обугленные жерди и прокаленные полосы позволили выявить довольно правильную четырехугольную площадку размером 8,5×9,5 м. Менее четко прослеживается лишь северо-западный край площадки. У входа находилась глиняная вымостка четырехугольной формы размером 1,2×1,6 м, по мнению исследователей, представлявшая собой порог. Рядом, вероятно, были устроены сени, пристройка к основной камере (?) (прослеживалась по небольшому углублению внутренней площадки канавы). На площадке жилища обнаружены остатки четырех прокалов (возможно, образовались во время пожара). Постоянными очагами были, видимо, кострища, сооруженные в неглубоких (до 20 см) ямах; рядом найдены развалы сосудов. У входа в жилище обнаружен бронзовый кельт (рис. 3, 10).

Жилище 4 расположено в восточной части поселка, за главным входом на поселение (рис. 2, 1). Жилище имело прямоугольные очертания, размеры около 6,5×9,5 м. С северной и южной сторон оно было ограничено канавкой. Первоначально здесь фиксировалось широкое, до 3 м, канавообразное углубление, разделявшее жилища 3 и 4. При раскопках установлено, что в восточной части канава разветвлялась в соответствии с направлениями стен жилищ. Ранняя канавка быстро заплывла грунтом и позднее, вероятно в связи с перестройкой жилища, была вырыта новая, более узкая (от 0,5 до 1,2 м) от центральной площадки к северному углу жилища 3. В западной стороне эта канавка находилась перед краем жилища 4, который, однако, прослеживается недостаточно четко. Видимо, как и в жилище 3, здесь находилась стена с выходом, у порога которого были устроены широкие ступеньки для спуска к центральной площадке.

Вдоль северного края жилища и внутри его обнаружено несколько кусков жердей. В центре жилищной площадки находился мощный очаг в виде овального пятна прокала размером 120×90 см.

Жилище 5 изучено не полностью, расположено в северо-западной части поселения, западный угол его осыпался (рис. 2, 1). Границы постройки хорошо фиксировались с северо-восточной, восточной, южной и частично юго-западной стороны в виде канавы шириной 1,2–1,8 м при глубине до 0,6 м от древней поверхности. Несколько позднее внутри заплывшей ранней канавки была выкопана узкая (0,4 м), но глубокая (до 0,5 м) канавка, в которую, вероятно, были поставлены столбы. В юго-восточной стороне находился выход к центральной площадке. Размеры жилищной площадки около 10×9 м.

Жилище 6 (рис. 2, 1) расположено в западной части поселения. Сохранились лишь остатки восточной части постройки, основная ее часть осыпалась. Канавки ограничивали жилищную площадку севера и юга. Выход находился на восточной стороне.

Жилище 7 расположено в северной части поселения (рис. 2, 1). Границы постройки были зафиксированы по насыщенному слою погребенной почвы, оконтуренному канавкой. С восточного края сооружения канавка прерывается, как предполагали исследователи, образуя вход в жилище [Генинг, 1964], однако этому противоречит общая планировка поселения и других жилищ, выход которых был направлен в центр поселка. На жилищной площадке у северо-западного угла и в середине обнаружено два пятна прокала от небольших кострищ, а у северного края — остатки двух раздавленных сосудов. Постройка имела трапециевидную форму, размеры около 8,5×6 м.

Жилище 8 расположено в северной части поселка, западнее жилища 7 (рис. 2, 1). Фиксировалось в виде ровной площадки, ограниченной с востока и запада канавками, общими для него и жилищ 7 и 5, и с севера — также общей для этих жилищ большой канавой. Размеры постройки составляли около 10×6–6,5 м. В западной части жилищной площадки на поверхности насыщенного слоя погребенной почвы зафиксировано три небольших очажных пятна от кострищ. Вдоль северной стенки располагались две овальные ямы размером 160×100 см, глубиной 40 см от уровня пола. В обеих ямах обнаружены остатки раздавленных сосудов, а в западной — большое пятно прокала. На жилищной площадке было много углей и отдельных кусков обугленных жердей. В заполнении жилища найдены обломки сосудов и небольшое количество костей [Генинг, 1964, 1966].

Таким образом, жилища в поселке располагались по кругу, выходы их были ориентированы в центр площадки, где оставлено свободное место размером около 10×14 м. На городище зафиксировано два входа — один укрепленный, с башнями (?) по бокам, расположен с востока, второй — с южной стороны площадки, там существовали ворота. Однако широкий проход в центр площадки фиксируется именно от менее укрепленного входа, здесь расстояние между жилищами около 2–3 м, в остальных местах жилища находились близко друг к другу, а в северной части поселка стены соседних построек были установлены в общие канавы-углубления. У

Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье

«главного» входа было оставлено свободное пространство для передвижений — участок размерами около 3×6 м, однако в центр площадки проход осуществлялся либо по узкому «коридору» (менее 1 м) между жилищами 3 и 4, либо вдоль крепостной стены на юг, до жилища 2 и входа-калитки. Исключая жилище 1, все постройки были наземные (рис. 2, 2). Авторами отмечено, что до раскопок поверхность памятника, помимо общего наклона в 2 м, имела неровности — за них были приняты, видимо, следы наземных жилищ, внешне фиксирующихся как бугры с ямками — канавками по краям и в центре. Так как жилища были сооружены на дневной поверхности, основная часть следов конструкций не отпечаталась в материке. При анализе стратиграфии отмечены локальные понижения насыщенного угольками черного слоя, маркирующие жилищные площадки, канавки — ямки в подстилающем грунте, однако в основном очертания не фиксировались.

В целом, оценивая устройство жилищ, можно предположить, что основу конструкции составлял каркас из вертикально установленных бревен, жердей (имеются следы отдельных ямок, зафиксированы сгоревшие основания жердей в слое), скрепленных поверх балками перекрытия. Стены и кровля состояли из жердей толщиной 6–8 см, укрытых поверх слоем бересты и утепленных грунтом. Интересной особенностью жилищ Лихачевского городища следует считать установку основания стены (каркаса (?) и жердей) в специально выкопанную канаву по периметру жилища. В некоторых случаях зафиксировано даже использование общих канав для соседних стен построек: жилища 7, 8, 5 и, возможно, 6 имели общие канавы для крепления боковых стен, в одной общей траншее были установлены и задние стены построек.

Круговая планировка поселения, взаиморасположение жилищ, отсутствие следов перекрытия постройками друг друга, наличие общих элементов конструкции для разных построек — все эти факты говорят о том, что поселок строился единовременно и по заранее определенному плану. Отмеченные исследователями следы перестроек и ремонтов на участках жилищ 4 и 5 не противоречат этому — локальные ремонты могли быть текущими, отдельные участки построек могли подновляться после нескольких лет эксплуатации. Жилище 1 выбивается из общей картины — оно углублено в грунт на 0,65 м. Однако, судя по наличию ямок и фрагментов жердей, конструкция также была каркасно-столбовой, стены ее состояли из наклонно установленных жердей, покрытых берестой и грунтом.

Описанным жилищам близки постройки саргатского городища Ак-Тау на Ишиме [Хабдулина, 1993], расположенного южнее; наземные постройки изучены также на поселениях иткульской [Зимина, Зах, 2009] и баитовской культур в Притоболье (Дачное 1, Чепкуль 86, гор. Боровушка 2 и др.) [Шилов, 1997; Цембалюк, 2009]. Обособленные наземные однокамерные четырехугольные жилища с канавками по периметру, небольшим котлованчиком в центре или без него также сходны с сооружениями культур раннего железного века Сургутского Приобья (калинкинская, белоярская) [Чемякин, 2008, с. 67, с. 74–75, 168–169, рис. 62, 63]. Каркасно-столбовые постройки с углубленным котлованом были широко распространены в культурах лесостепи раннего железного века (гороховской, баитовской, саргатской).

Демография городища

В связи с тем что поселение исследовано полностью, мы предприняли попытку рассчитать демографическую емкость городка. Поскольку известно точное количество жилищ и их приблизительная площадь, то можно произвести расчеты численности проживавшего в поселке населения. Подобные данные гипотетичны и условны, однако их можно учитывать при изучении динамики численности населения западно-сибирской лесостепи, уровня производительных сил и т.д.

Один из традиционных способов определения количества проживающих в постройках людей основан на учете жилой площади на человека. Для эпохи бронзы и раннего железного века Западной Сибири исследователи предлагают различные нормы площади: от 2,8 до 6 м² на человека (4 м² [Зах, 1995, с. 73]; 4,95–5,65 м² [Евдокимов, 1984, с. 17]; 4–6 м² [Козынцева, 1998]; 5,5 м² [Ковалева, Штадлер, 1989]; 2,8–5 м² [Хлобыстин, 1976, с. 46]; 4–5 м² [Матвеев, 1995; Матвеев, Аношко, 2009]; 3,5–4 м² [Корякова, Сергеев, 1989; Матвеева, 2000, с. 114]).

В среднем на одного человека приходится 4–5 м². Суммарная площадь жилищ Лихачевского городища составляет около 520 м². Разделив ее на 4 и 5 м², получаем 104–130 чел. Примерно такова численность обитателей поселка. Учитывая, что в поселке 8 жилищ, получаем, что в каждом могло проживать 13–16 чел.

Керамический комплекс городища

Сосуды представляют собой слабопрофилированные горшки (85 %) и банки (15 %) (табл.) яйцевидных форм с округлым или несколько приостренным дном. Сосуды довольно крупные, диаметром по шейке от 17 до 30 см и стенками толщиной от 4 до 6 мм (75 %), довольно часто встречаются и более толстостенные — до 10 и 12 мм (25 %).

Горловины горшков представлены двумя формами — выгнутые (56 %) и прямые (29 %). Венчики в большинстве случаев плоские (93,5 %), встречаются округлые (4,7 %) и скошенные внутрь (1,8 %).

Характеристика шеек сосудов Лихачевского городища (107 экз.)

№	Признак	Кол.	%
Форма шейки			
1	Прямая	31	29
2	Дуговидно выгнутая	60	56
3	Банки	16	15
Форма венчика			
4	Плоский	100	93,5
5	Округлый	5	4,7
6	Скошенный внутрь	2	1,8
Орнаментация венчика			
7	Гребенчатый штамп	3	2,8
8	Насечки	70	65,4
9	Без орнамента	34	31,8
Техника нанесения узора			
10	Гребенчатый штамп	12	11,2
11	Круглая ямка	62	57,9
12	Жемчужина	44	41,1
13	Угловый штамп	22	20,6
14	Гладкий штамп	40	37,4
15	Защипы	13	12,1
16	Прочие (ногтевые вдавления, наколы и т.д.)	3	2,8
Элементы орнамента			
17	Наклонные линии	10	9,3
18	Ряд углового штампа	22	20,6
19	Горизонтальная елочка	23	21,5
20	Один ряд ямок	50	46,7
21	Чередование ямок и жемчужин	12	11,2
22	Один ряд жемчужин	32	29,9
23	Горизонтальный зигзаг	4	3,7
24	Вертикальный зигзаг	4	3,7
25	Неорнаментированный	21	19,6

Орнаментация керамики Лихачевского городища довольно бедная. Декорировались, как правило, шейка сосудов (80,4 %) и венчик (68,2 %), в некоторых случаях — плечико. Кроме того, 21 % составляют сосуды, тулово и днище которых орнаментированы горизонтальными рядами глубоких ямочных вдавлений. Чаще всего использовался жемчужно-ямочный узор (99 %). Им покрыта, как правило, шейка. На 12 сосудах ямка выступает как разделитель, образуя схему «жемчужина — ямка — жемчужина». Велика доля узоров, выполненных гладким (37,4 %) и угловым (20,6 %) штампами. Применение гребенчатого штампа и защипов довольно незначительно (11,2 и 12,1 % соответственно).

Элементов орнамента также насчитывается незначительное количество. Большинство сосудов орнаментировано по шейке одним рядом ямок или жемчужин или их чередованием, иногда в сочетании с рядом углового штампа, который наносился исключительно по линии перехода от шейки к плечу. Гребенчатым и гладким штампом выполнены узоры в виде наклонных линий или елочки. Изредка встречаются горизонтальный и вертикальный зигзаги (рис. 3).

Керамический комплекс Лихачевского городища был атрибутирован автором раскопок как баитовский [Генинг, 1964].

Исследование в конце 1990-х — начале 2000-х гг. на территории Приишимья таких своеобразных комплексов, как поселения Озеро Ченчерь 6, Марай 1, городища Марай 5, на наш взгляд, ставит перед исследователями вопрос об их культурной идентификации и соотношении

Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Пришимье

с притобольскими баитовскими памятниками. Своеобразие керамических коллекций вышеперечисленных памятников в сравнении с притобольскими материалами связано, по всей видимости, с другой линией культурогенеза. На построенной в результате кластерного анализа дендрограмме видно, что пришимские памятники Марай 5 и Озеро Ченчерь 6 группируются вместе, хотя и не образуют кластера с Лихачевским городищем (рис. 4).

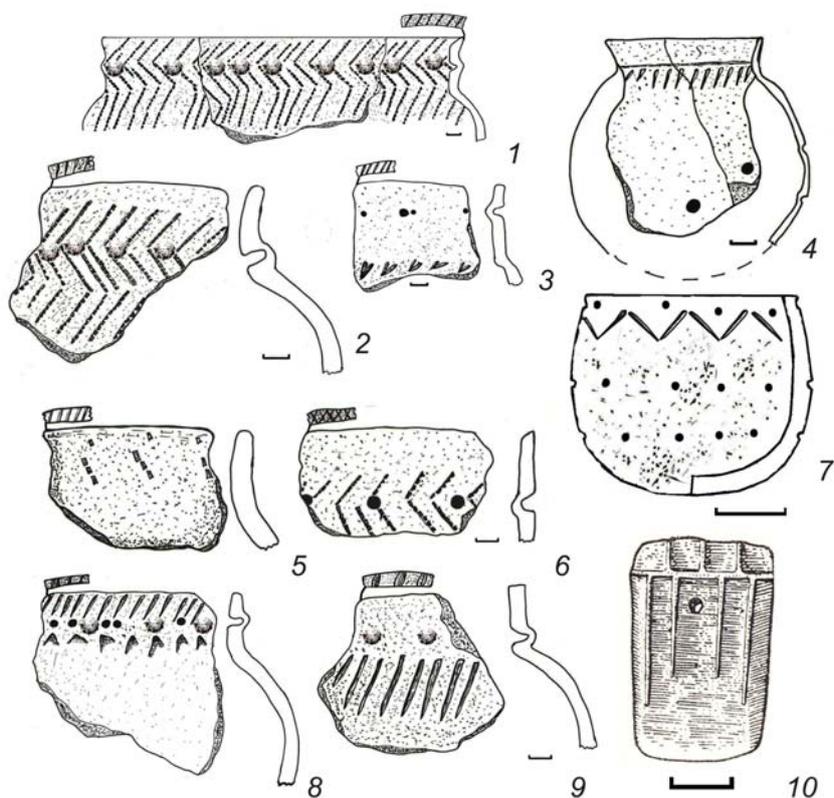

Рис. 3. Керамика и инвентарь Лихачевского городища (по [Могильников, 1992]):
1–9 — керамика; 10 — кельт (бронза)

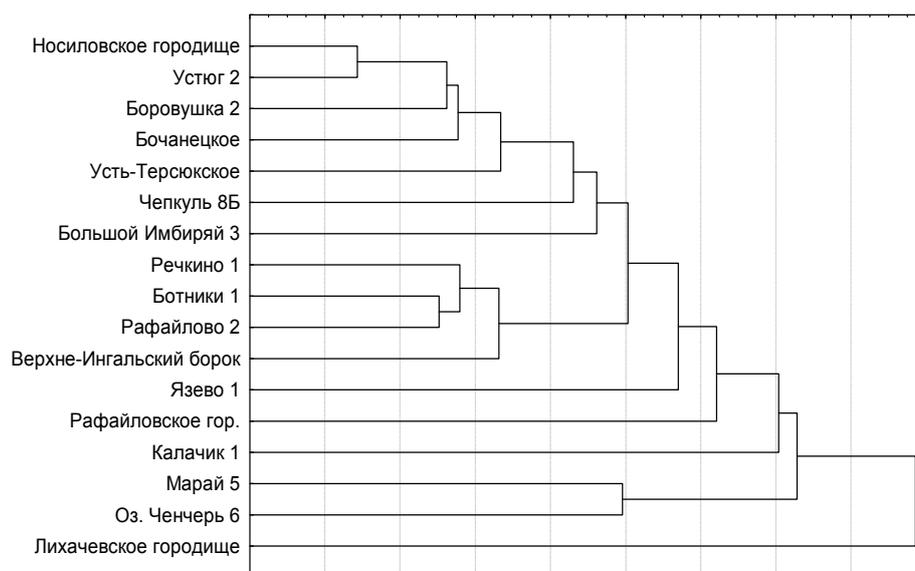

Рис. 4. Дендрограмма керамических баитовских комплексов притобольских и пришимских памятников

Пока мы располагаем ограниченной информацией о памятниках начала раннего железного века в Приишимье и не можем дать их полноценную характеристику. Отметим лишь некоторые особенности приишимских комплексов.

На поселении Озеро Ченчерь 6 исследовано трехкамерное полуземляночное сооружение 3 [Волков, 2001, с. 228], подобные отсутствуют в домостроительной традиции носителей баитовской культуры Притоболья. Насыщенность находками (в том числе палеозоологическими) культурного слоя приишимских памятников, интенсивность окраски свидетельствует о длительной эксплуатации поселков. На 1 м² приходится от 100 ед. находок, в отличие от притобольских, где на 100 м² — от 3,6 (Большой Имбиряй 3) до 5,8 (Боровушка) ед. находок.

Керамика приишимских памятников морфологически и орнаментально очень схожа с баитовской Притоболья. Это круглодонные, толстостенные сосуды, с раздутым, иногда шаровидным туловом, высокой, до 5 см, горловиной. Шейка так же украшена пояском ямок или жемчужин в сочетании с рядами наклонных линий, горизонтальной елочкой или зигзагом. Единственным и довольно существенным отличием приишимских горшков являются ряды круглых ямок, горизонтально расположенные по тулову. На основании данного признака исследователи относили древности начала раннего железного века Приишимья к бархатовско-сузгунской линии генерации [Корякова, 1991, с. 30; Матвеева, 1994, с. 8–9; Волков, 2001, с. 228–229]. На наш взгляд, на территории Приишимья происходили отличавшиеся от имевших место в Притоболье культурогенетические процессы. В первую очередь это связано со своеобразием данного района как контактной зоны, на что неоднократно обращал внимание М.Ф. Косарев [1981, с. 167]. Территорию Приишимья в позднем бронзовом веке в основном занимало население сузгунской культуры. Здесь не фиксируются чистые бархатовские комплексы и вместе с тем в материалах поселений Чупино и Кучум-гора присутствует смешанного облика сузгунско-бархатовская керамика [Матвеев, Аношко, 2009, с. 201–203]. В конце бронзового века в среду местного сузгунского населения начинают проникать таежные группы с крестовой керамикой. В результате образуются комплексы типа городища Ефимово 1 [Матвеев, Горелов, 1991] и Старо-Маслянского поселения [Генинг, Евдокимов, 1969], отражающие сосуществование еще не в смешанном виде местного сузгунского и пришлого таежного населения. Данный период по материалам памятника Хутор Бор 1 выделен А.Я. Труфановым как ранний, хуторборский этап красноозерской культуры [1983, с. 74]. Дальнейшее развитие красноозерской культуры приводит к формированию журавлевских комплексов, известных и на территории Приишимья (Ласточкино Гнездо, Боровлянка 2, Борки 2 и др.). На основе журавлевских комплексов в южно-таежном Прииртышье и Приишимье складывается богочановская культура [Данченко, 1996], а в лесостепном Приишимье, по всей видимости, — своеобразные комплексы начала раннего железного века, близкие к баитовским Притоболья.

Предложенный вариант развития историко-культурных процессов на территории Приишимья гипотетичен и требует разработки на более широком круге источников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Борзунов В.А. Городища с бастионно-башенными фортификациями раннего железного века в лесном Зауралье // РА. 2002. № 3. С. 79–97.

Волков Е.Н. Археологические исследования в Казанском районе Тюменской области в 1998–1999 гг. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. № 3. С. 226–231.

Генинг В.Ф. Отчет о раскопках Лихачевского городища (д. Лихачева Абатского района Тюменской области), произведенных Уральской археологической экспедицией летом 1966 г. Свердловск, 1966 // Архив ИА РАН. Р-1, № 3382.

Генинг В.Ф. Отчет о раскопках Лихачевского поселения в 1964 г. М., 1964 // Архив ИА РАН, Р-1, № 2865.

Генинг В.Ф., Евдокимов В.В. Старо-Маслянское поселение // ВАУ. Свердловск, 1969. Вып. 8. С. 57–64.

Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н.э. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 212 с.

Евдокимов В.В. Народонаселение Степного Притоболья в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1984. 21 с.

Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука, 1995. 96 с.

Зданович Г.Б. Лихачевское городище на р. Ишим // 5-е Урал. археол. совещ.: Тез. докл. и сообщ. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1967. С. 136–137.

Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье

Зими́на О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

Ковалева В.В., Штадлер М.Ю. Палеоэкономическая реконструкция поселения раннебронзового времени // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989. С. 153–164.

Козынцева Н.Н. Палеодемографический аспект изучения ташковской культуры // ВАУ. Екатеринбург, 1998. Вып. 23. С. 184–195.

Корякова Л.Н., Сергеев А.С. Некоторые вопросы хозяйственной деятельности племен саргатской культуры: (Опыт палеоэкономического анализа селища Дуванское II) // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск, 1989. С. 165–177.

Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири: (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). Препр. Екатеринбург: Изд-во УрО АН: УрГУ, 1991. 53 с.

Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.

Матвеев А.В. Семья в ирменском обществе: Некоторые аспекты палеодемографического изучения: (По материалам поселений) // Археология: Вчера, сегодня, завтра. Новосибирск, 1995.

Матвеев А.В., Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень, 2009. 416 с.

Матвеев А.В., Горелов В.В. Основные итоги исследования городища Ефимово 1 // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Уфа: БашГУ, 1991. С. 52–54.

Матвеева Н.П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1989. С. 77–102.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

Матвеева Н.П. Социально-экономические структуры населения Западной Сибири в раннем железном веке: (Лесостепная и подтаежная зоны). Новосибирск: Наука, 2000. 399 с.

Могильников В.А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 274–312.

Стоянов В.Е. Зауральские лесостепные поселения раннего железного века // КСИА. М.: Наука, 1969. Вып. 119. С. 52–61.

Труфанов А.Я. Жертвенное место Хутор Бор-1: (О культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск: Изд-во ТомГУ, 1983. С. 63–76.

Хабдулина М.К. Городище Ак-Тау как архитектурный комплекс // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993. С. 112–143.

Хлобыстин Л.П. Поселение Липовая курья в Южном Зауралье. Л., 1976.

Цембалюк С.И. Характеристика поселений и жилищ байтовской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. № 10. С. 57–65.

Чемякин Ю.П. Барсова Гора: Очерки археологии Сургутского Приобья. Сургут; Омск: Омск. дом печати, 2008. 222 с.

Шарапова С.В. Керамика раннего железного века лесостепного Зауралья: (Опыт статистического анализа): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000 // Лаборатория археологического источниковедения и музеефикации ИИА УрО РАН. Ф. II. Д. 5, 5а.

Шилов С.Н. Отчет об археологических исследованиях 1996 г. Курганского государственного университета на территории Курганской области, проведенных по открытому листу № 164 (форма 1), выданному на имя Шилова Степана Николаевича. Курган, 1997.

Тюмень, ИПОС СО РАН
svetac80@mail.ru
svb82@mail.ru

Subject to publication being materials of excavations undertaken by UAE in 1964 and in 1966 at Likhachevo settlement — the only fully investigated site of the early Iron Age in the Low Ishim basin. The investigation of the settlement resulted in total studying of fortifications and dwellings, obtaining a representative pottery material.

The beginning of the early Iron Age in West Siberia, Low Ishim basin, the Baitovo culture, reconstruction, fortified settlement, fortifications, dwellings.